

Владимир ВАСИЛИНЕНКО

ИМПЕРАТОР, МЕЧТАВШИЙ СТАТЬ КОММУНИСТОМ

Документальная драма

Действующие лица:

Галанин Григорий Иванович — переводчик**Алексей** — журналист**Павел** — режиссёр**Айсингёро Пу И** — император**Пу Цзе** — младший брат императора**Юй Чжань** — племянник императора**Юй Янь** — племянник императора**Юй Тан** — племянник императора**Вань Цзяси** — зять императора**Жунь Ци** — зять императора**Ли Госюн** — слуга императора**Шура** — официантка**Тоня** — кастелянша**Ира** — уборщица**Галя** — официантка**Подполковник Волков** — начальник курорта «Молоковка»**Лейтенант Котов** — переводчик**Вера Ивановна** — врач курорта**Майор Денисов** — начальник «объекта 45»**Юрий** — переводчик-консультант**Маруся Титова** — повариха

Действие I

Хабаровск, начало двухтысячных годов. Квартира пожилого переводчика Галанина. Переводчик сидит в кабинете за письменным столом. На столе — компьютер, телефон. Он перечитывает старые записи, пытаясь перевести их в электронный вариант. Хмурится, что-то бормочет про себя. Раздаётся звонок в дверь. Галанин нехотья встает, идёт к выходу. Открывает дверь. На пороге — журналист Алексей.

Алексей. Добрый день, Григорий Иванович! Надеюсь, не помешал?

Галанин (*ворчит*). Добрый-добрый! С чем пожаловали, гангстер пера? Чему я обязан?

Алексей. Прошу прощения. Я оторвал вас от дела? Наверняка ведь оторвал (*поднимает руки*). Мне и вправду неловко!

Галанин. Ну, не скажу, что от дела, но оторвали. Какие у старика дела? Так, делишки... Но коли пришли — милости просим! (*Оба проходят в кабинет*). Располагайтесь.

Алексей (*сагится, смотрит на стол с компьютером, разложенные бумаги, горящую лампу*). Вижу, вы над чем-то работаете. Извините великодушно!

Галанин (*тоже сагится*). Ну, будет вам! Я просто перечитываю старое, стараюсь привести в порядок свои разрозненные мысли и сумбурные впечатления (*усмехается*) и от времени стараюсь не отстать. Видите, пытаюсь компьютер освоить.

Алексей. И как? Получается?

Галанин (*машет рукой*). Не спрашивайте! Такая капризная штукавина — почище пишущей машинки «Ундервуд». То зависнет, то заглохнет (*смотрит на нежданного гостя*). С чем вы всё-таки пожаловали? Новых тем у меня, к счастью, нет, а старые вы все выпотрошили (*смеётся*). Теперь я похож на пустой футляр от трофейного аккордеона. Содержимого нет — только одна жалкая оболочка!

Алексей (*тоже смеётся, потом говорит*). Ну, это уж слишком! Не надо на себя наговаривать. И мне, грешному, кажется, что многое вы держите про запас. А одна ваша давняя история никак у меня из ума не выходит.

Галанин. Какая история? Наверняка о моей работе в Японии? Но я вам всё чест-

но и подробно рассказал. Ничего другого добавить не могу.

А л е к с е й. Нет, это не японские курьёзы. *(Пауза)*. А история о последнем китайском императоре Пу И.

Г а л а н и н. Айсингёро Пу И? *(Пауза)*. А что именно? Я провёл с ним, как вы знаете, целых пять лет, и всяких историй там было множество, причём самых разных. И грустных, и смешных.

А л е к с е й *(мнётся)*. Понимаете, Григорий Иваныч... *(Пауза)*. Ко мне однажды зашёл мой давний приятель-режиссёр, увидел вашу рукопись, попросил прочесть и теперь мечтает сделать из неё пьесу и поставить её в своём театре.

Г а л а н и н *(внимательно смотрит на собеседника)*. Поставить пьесу? И что — китайского императора будет играть русский актёр? В гриме и круглых очках? Вы это серьёзно?

А л е к с е й *(защищаясь)*. А почему нет? Насчёт грима я не знаю, но думаю, что у Павла на сей счёт есть свои соображения.

Г а л а н и н *(разводит руками)*. Эх, молодёжь-молодёжь! Всё у вас так просто и легко достижимо. Дело ведь не в том, у кого какой разрез глаз — прямой или скошенный. Это Китай. Понимаете — Китай! Страна древней, глубокой, тысячелетней культуры. И какой-то наш молодой человек, не думаю, что очень сведущий и образованный, будет старательно изображать властителя Поднебесной, неловко демонстрируя его походку и жесты. Вам не кажется, что это, по меньшей мере, нелепо?

А л е к с е й *(горячо)*. Он не будет ничего изображать и копировать. Вовсе нет.

Г а л а н и н *(удивлённо)*. Вот как? А что же он тогда будет делать?

А л е к с е й *(размышляет вслух)*. Актёр, играющий императора, будет стараться понять его. Ведь это был живой человек, вынужденный жить в особых условиях, если он родился императором. Это не заслуга его, не вина, а возможно — беда, ведь так?

Г а л а н и н *(задумчиво)*. Ну, предположим...

А л е к с е й. Тогда скажите, какая разница — китаец он или русский? Вспомните — у нас ведь тоже был свой император — Николай II. И его жизнь совсем не походила на жизнь рядового российского обывателя, верно?

Г а л а н и н. Согласен.

А л е к с е й *(продолжает наступать)*. Вот видите! Но мы же пытаемся понять поступки нашего царя? Сколько написано книг, сколько фильмов — и наших, и зарубежных — снято о его последних днях, когда большевики расстреляли его самого и всё несчастное семейство. Детей не пощадили, а за что?

Г а л а н и н *(задумчиво)*. Не скажу, что вы меня, Лёша, до конца убедили, но эта мысль кажется мне очень знаменательной. Ведь что получается — человек, а будущий властитель — со дня рождения своего — просто обречён на грядущие беды и страдания. Это случилось с нашим последним царём, с его женой и детьми, и с последним китайским императором тоже.

А л е к с е й. Я не знаю, Григорий Иваныч, как вы к этому отнесётесь, но мне бы очень хотелось познакомить вас с режиссёром. Вернее, он очень хотел с вами познакомиться. Если это возможно, конечно.

Г а л а н и н. Ну, хорошо. Я согласен.

А л е к с е й. Скоро открывается новый театральный сезон, и Павлу хотелось открыть его новым спектаклем. Именно этой пьесой.

Г а л а н и н. Вашего режиссёра зовут Павлом?

А л е к с е й. Да. Он мой старый приятель и отличный парень.

Г а л а н и н. Ну, ради бога! Пусть этот Павел делает, что хочет. Если у него это только получится...

А л е к с е й *(улыбаясь)*. Значит, я могу пригласить его?

Г а л а н и н *(в недоумении)*. Пригласить? Куда?

А л е к с е й. Сюда. К вам.

Г а л а н и н *(озадаченно смотрит на журналиста)*. Сегодня? Сейчас?

А л е к с е й *(кивает)*. Ну да. А зачем тянуть? Я же вам всё объяснил — скоро открывается новый театральный сезон, Павлу хочется поставить что-то свежее.

Г а л а н и н *(протестует)*. Но позвольте, любезнейший, — а я тут при чём? Или в театре уже некому поднимать занавес?

А л е к с е й. Григорий Иваныч, я же вам сказал — Павла потрясла вся эта история с китайским императором. Прочтя вашу рукопись, он решил сделать из неё пьесу и поставить спектакль.

Г а л а н и н *(хмуро)*. Я это уже слышал. И готов помочь, чем смогу, но вы свалились, как снег на голову. И ещё этот режиссёр... Ну, будь по-вашему! Зовите этого Павла. *(Показывает на телефон)*. Звоните...

А л е к с е й *(достаёт сотовый)*. Спасибо, Григорий Иваныч, у меня свой... *(Набирает номер)*. Паша, привет! Узнал?.. Я у Галанина. Ну да. Обговорили. Он согласен,

приходи. *(Какое-то время молчит, слушает, потом бросает)*. Да? Ну, не знаю... Хорошо. Я перезвоню. *(Отключает телефон)*.

Г а л а н и н. Ну, что? Он идёт? Адрес мой, надеюсь, знает?

А л е к с е й. Адрес ваш ему известен. *(Пауза)*. Григорий Иванович, я даже не знаю, что вам сказать...

Г а л а н и н. А в чём дело? Что-то случилось?

А л е к с е й *(с грустью)*. Случилось. Павел, к сожалению, не один. Он со своими актёрами.

Г а л а н и н. С актёрами? С ним что — весь театр?

А л е к с е й. Нет, что вы! Только основной состав...

Г а л а н и н. И сколько их? *(Оглядывает кабинет)*. У меня и стульев на всех не хватает. А заставлять людей стоять не слишком прилично.

А л е к с е й. Их где-то человек семь-восемь.

Г а л а н и н. Ладно. Пусть идут — найдём табуреты.

А л е к с е й *(лихорадочно набирает номер, звонит)*. Паша, это я... Ну, всё, давайте... Мы ждём... *(Галанин встаёт, ходит по квартире, ища стулья и табуреты. Алексей помогает ему, говоря извинительным тоном)*. Я думаю, Григорий Иванович, что Павел хотел бы поближе познакомиться с вами... и представить вас своим актёрам..

Г а л а н и н. Вы знаете, Лёша, я в этом не слишком нуждаюсь. Прожил восемь десятков лет без лишней рекламы, проживу, надеюсь, и дальше, даст Бог. *(Звонит звонок. Хозяин и гость идут к двери. Входит Павел и с ним шестеро парней и три девушки)*. Милости прошу всю честную компанию! Ох, сколько вас!.. В последнее время я нечасто встречаю такую большую делегацию. *(Смотрит на режиссёра)*. Вы, надо полагать, Павел? *(Протягивает руку)*. Переводчик. Бывший сотрудник УМВД. Вы знаете, что это такое?

П а в е л *(улыбаясь, пожимает протянутую руку)*. Управление Министерства внутренних дел. Мы с вами, Григорий Иванович, знакомы заочно. Лёша мне о вас все уши прожужжал.

Г а л а н и н. Да что вы? *(Довольно улыбается)*. Ох, эти журналисты, журналисты! Нет от них спасения...

А л е к с е й *(подхватывает)*. Теперь ещё говорят — эти чёртовы журналюги! Акулы пера... Грешен, каюсь...

Все постепенно проходят в кабинет.

Г а л а н и н. Извините за некоторый беспорядок, уважаемые господа, но вы так неожиданно! Располагайтесь, как кому удобно.

Пришедшие суетливо рассаживаются. Мужчины на табуреты, девушки на стулья.

Режиссёр достаёт из портфеля папку.

П а в е л. Григорий Иванович, у меня ваша рукопись. Я от восторга дрыгал ногами! Там такие характеры, детали, ситуации...

О д н а и з д е в у ш е к *(показывает на фотографию над столом)*. Простите, а кто там на фото?

Г а л а н и н *(снимает фотографию, показывает гостям)*. Это 1946 год. Токио. Во время работы Международного верховного трибунала над японскими военными преступниками.

Фото идёт по рукам.

О д н а и з д е в у ш е к. Тут в центре стоит какой-то восточный мужчина в круглых очках. Он кто — японец?.

Г а л а н и н. Нет. Это последний китайский император Айсингёро Пу И собственной персоной, а крайний справа — ваш покорный слуга.

Д р у г а я д е в у ш к а. У него очень худое лицо и узкие плечи, но выглядит он неплохо.

Г а л а н и н. Император всегда был очень худым, почти с раннего детства. Такая, видимо, конституция. А вес у него был, помнится, около пятидесяти девяти килограммов.

П а в е л. А какого он был роста?

Г а л а н и н. Где-то в районе 175 сантиметров. Для китайца это высокий рост.

О д н и з а к т ё р о в. Здесь ему лет 30-35? Или он моложе?

Г а л а н и н. Я даже не знаю, как вам точно ответить... Свой возраст китайцы считают с момента зачатия. Здесь Пу И, по нашим меркам, сорок лет, а по китайским — сорок один год. Это снято во дворе нашего посольства в Токио. Август месяц. Жара — 34 градуса в тени. В зале заседаний — духота, светят прожекторы, суетятся фотографы, стрекочут кинокамеры, звучат голоса радиокomentаторов...

Д р у г о й а к т ё р. А что там делал император? Отдыхал?

Г а л а н и н. Нет, мои дорогие. Он выступал на процессе в качестве главного свидетеля по делу о преступлениях японской военщины в оккупированном Китае.

Павел. И как он выступал?

Галанин. Очень хорошо. Доказательно. Убедительно. Толково. Даже горячо и пафосно. И все зарубежные газеты печатали его гневные речи. Японским генералам от него крепко досталось.

Один из актёров. А на каком языке он говорил?

Галанин. На английском. В четырнадцать лет ему пригласили учителя английского языка — англичанина Джонстона. Они общались только на английском, Пу И даже взял английское имя — Генри. Иногда его так и звали — Генри Пу И.

Павел. Огромное вам спасибо, дорогой Григорий Иванович! Я благодарю вас от лица всей нашей нахальной компании! И теперь лично от меня к вам огромная просьба. *(Прикладывает руку к груди)*. На завтра у нас намечена очередная репетиция. Даже, пожалуй, главная. Мне бы очень хотелось, чтобы вы на ней поприсутствовали...

Галанин. Хорошо. Я к вашим услугам.

Алексей. Григорий Иванович, я за вами заеду.

Гости встают, прощаются. Хозяин провожает их до порога, запирает дверь. Возвращается в кабинет, придирчиво осматривается, помещает на место фото, гасит настольную лампу и выходит. Свет на сцене гаснет. Некоторое время в зале царят тишина и темнота, потом раздаётся громкий голос Павла: «Прошу свет на сцену!»

Зажигается свет. Режиссёр с рукописью в руках стоит у края рампы.

У противоположной кулисы сгрудились актёры.

Павел. Итак, репетируем первую сцену. Пу И с братом, племянниками и зятьями приезжает под Читу, в местечко «Молоковка». *(Смотрит в текст)*. Прошу на сцену Пу И, брата Пу Цзе, племянников — Юй Чжэня, Юй Яня, Юй Тана, зятьёв Вань Цзяси и Жунь Ци и слугу Ли Госюна. *(Из-за кулис выходят все действующие лица. Через зал проходят журналист Алексей и переводчик Галанин)*. Григорий Иванович, мы рады вас видеть! Проходите сюда, прошу!

Галанин. Что, прямо на сцену?

Павел. Конечно. Это же репетиция. Мы для вас приготовили стул. *(Галанин поднимается на сцену)*. Сейчас мы, Григорий Иванович, начнём с первого эпизода: пленного императора вместе со всей свитой привозят в лагерь под Читой.

Галанин. Простите, Павел, это был не лагерь, а курорт под названием «Молоковка». До приезда Пу И там жил маршал Василевский, командующий Дальневосточной армией, воевавшей против Японии.

Павел *(смотрит в текст)*. Да-да, мы знаем об этом. Скажите, а почему императора привезли на курорт, а не в какое-то другое место?

Галанин. Видите ли, когда советский десант высадился в Маньчжурии, где в это время был Пу И, которого бдительно охраняли японцы, — он сразу показал к ним своё негативное отношение. И охотно сдался нашим. Без малейшего сопротивления и протеста. Даже просил защитить его от бывших хозяев. А генерал Притула, руководивший десантом, это сразу отметил...

Павел. Теперь понятно. *(Обращается к актёрам)*. Ребята, начинаем!

Актёры готовятся к выходу.

Галанин. Простите, Павел, а кто будет играть императора и его родню?

Павел *(останавливает жестом актёров)*. Хотите взглянуть? Как вам будет угодно! Ребята, приготовились! *(Оборачивается к переводчику)*. Идя навстречу вашим пожеланиям — позвольте вам представить *(повышает голос)* — властитель Поднебесной император Айсингёро Пу И!

Артист, исполняющий роль, выходит из-за кулис. Он в костюме и круглых очках.

Галанин. Вы всё-таки надели на него очки... Не удержались?

Павел *(оправдываясь)*. Простите, Григорий Иванович, но это такая деталь, от которой невозможно уйти... У него ведь было слабое зрение, верно?

Галанин. Он был очень близорук и носил очки с шестнадцати лет, их прописал ему американский окулист. *(Продолжает критически осматривать исполнителя)*. Но ваш император значительно плотнее и выше ростом! *(Машет рукой)*. Ладно, давайте посмотрим остальных...

Павел *(громко)*. Наследный принц Пу Цзе! Шаг вперёд!

Выходит второй актёр, становится рядом с первым.

Галанин. Но Айсингёро Пу Цзе был почти на голову ниже старшего брата, ростом он был, помнится мне, где-то чуть выше ста шестидесяти сантиметров...

Павел. Он тоже Айсингёро?..

Галанин. А как же?... Айсингёро — значит «Золотой род» по-маньчжурски. У них это что-то вроде фамилии.

Павел. Они ведь были маньчжурами?

Галанин. Конечно. Они оба — потомки тех маньчжурских князей, которые в

середине XVII века захватили Поднебесную. Кстати, он тоже носил очки.

П а в е л (*не соглашается*). Пусть в них будет один император — это его отличительный знак.

Г а л а н и н (*уступает*). Ну, хорошо. А как все другие?

П а в е л (*командует*). Прошу всех трёх племянников Юй и двух зятьёв на сцену!

Выходят Юй Тан, Юй Чжань, Юй Янь.

Г а л а н и н (*комментирует*). Все они были примерно одного возраста, где-то до тридцати лет. Юй Тан был молчуном, Юй Чжань — очень бойкий и общительный, знал русский язык, а Юй Янь был выше ростом и почти красавец, как актёр Стивен Сигал...

Артисты значительно переглядываются.

П а в е л. Дальше! (*Выходят два зятя*). Зятя императора — Вань Цзяси и...

Г а л а н и н (*подхватывает*). Жунь Ци.

П а в е л. И они тоже маньчжуры?

Г а л а н и н. Безусловно. Родственники Высочайшего должны быть только маньчжурами!

П а в е л. Как вы сказали — Высочайшего?

Г а л а н и н. Ну да. У Пу И был титул — Хуаншан — то есть Высочайший... Как горный пик Эверест, выше его не могло быть никого.

П а в е л. Теперь мы можем начать?

Г а л а н и н. Конечно-конечно, начинайте, ради бога!

П а в е л (*командным тоном*). Итак, первая сцена — императора привозят в «Молоковку», где его встречает начальник курорта подполковник Волков и переводчик — молодой лейтенант. (*Галанину*). Но это были точно не вы?

Г а л а н и н. К сожалению, не я.

П а в е л. Где Волков и переводчик? (*Из-за кулис выходят два артиста*). Вы оба здесь? Хорошо.

Г а л а н и н (*режиссёру*). Скажите, а где девушки?

П а в е л. Девушки? Какие ещё девушки, Григорий Иванович?

Г а л а н и н. Ну, официантки, поварахи, уборщицы. Словом, любопытные...

П а в е л (*спохватывается*). Ах, да! Как же без них? (*Повышает голос*). Тоня, Ира, Шура, Галя — живо на сцену! (*Появляются артистки. Те самые, что были в гостях у переводчика*). Внимание — император со свитой выходит из правой кулисы, навстречу подполковнику с переводчиком. (*Девушкам*). Вы стоите за их спинами, глазееете... Начали!

Пу И и остальные уходят за кулисы. подполковник с переводчиком и девушки остаются на сцене. Режиссёр хлопает в ладоши: «Всё. Пошли!» Из-за кулис вначале появляются Пу И с Пу Цзе, следом племянники и зятя. Последним идёт слуга с двумя огромными чемоданами. Девушки вытягивают шею и перешёптываются, выглядывая из-за спин офицеров. Подполковник поднимает руку и склоняется к переводчику.

П е р е в о д ч и к. Прошу внимания! (*Пленники замирают*). В соответствии с указом советского правительства, с этого момента вы считаетесь задержанными и во всём должны подчиняться командам! (*Император и свита настороженно переглядываются. Подполковник опять что-то шепчет переводчику*). Здесь вы отдохнёте несколько дней. Сейчас вас разведут по комнатам, потом накормят, а после вы будете отдыхать. (*Подполковник вновь наклоняется к переводчику*). Что вы любите есть? Китайскую, японскую, русскую еду?

Среди пленных возникло оживление. Однако все обернулись к императору.

Пу И что-то говорит Юй Чжаню.

Ю й Ч ж а н ь. Нам очень нравится русская еда.

Подполковник и переводчик переглядываются. Девушки хихикают.

П е р е в о д ч и к. Ну, хорошо. Идите в комнаты, потом приходите на завтрак.

А к т ё р, и г р а ю щ и й и м п е р а т о р а (*спрашивает режиссёра*). Паша, а куда нам идти? Нас должен кто-то провожать?

П а в е л (*оглядывается на Галанина*). Григорий Иванович, кто их сопровождал?

Г а л а н и н. За ними обычно наблюдал караульный солдат. Он всегда был при них.

П а в е л (*смотрит в зрительный зал на журналиста*). У нас небольшая накладка... Лёша, исполни временно роль солдата!

А л е к с е й. А что я должен говорить?

П а в е л. Ничего. Молча проводи их отсюда — сюда! (*Показывает*).

Журналист взбегает на сцену, становится во главе процессии, и вся команда пленных послушно следует за ним. Последним идёт слуга Ли Госюн с двумя огромными чемоданами.

Г а л а н и н. Это ведь личный слуга с чемоданами императора?

П а в е л. Ну, да. Так в вашей рукописи обозначено.

Г а л а н и н. Чемоданы, между прочим, были с двойным дном, и там были спрятаны

драгоценности на огромную сумму.

На сцене остаются подполковник Волков, переводчик и девушки.

Павел (командует). Не расслабляться! Продолжаем!

Подполковник (девушкам). Девчата! У вас всё готово?

Девушки (хором). Всё готово, Пётр Васильич!

Подполковник. Тогда накрывайте столы. Император, оказывается, любит нашу кухню.

Девушки, вместе с переводчиком, выносят два походных стола, расставляют тарелки, стаканы, кладут ложки, вилки.

Галанин. Раньше столы всегда застилали скатертями, причём крахмаленными.

Павел. Ну, это же театр, дорогой Григорий Иванович! Не будем буквалистами.

Стол накрыт. Девушки застыли по стойке «смирно».

Павел (командует). Пошли китайцы!

На сцену выходит император со свитой в сопровождении журналиста в качестве солдата. Врач переговаривается с переводчиком.

Переводчик. Прошу внимания! Если у кого-то есть жалобы на желудок, почки, сердце (показывает на врача), обратитесь к врачу, и вам окажут медицинскую помощь.

Пленники осторожно переглядываются и обращаются к Пу И.

Тот склоняется к Юй Чжаню.

Юй Чжань. Нет-нет, мы все здоровы!

Переводчик (подполковнику и врачу). Все как один здоровы!

Подполковник (ворчит). Ну, здоровы, так здоровы. А я вот нет... Тогда пусть едят как следует, будут ещё здоровее.

Переводчик (показывает на накрытые столы). Это ваш завтрак. Можно просить добавки, если кому-то захочется.

Пленники подходят к столам. Император к одному, все остальные к другому, и ждут, пока не сядет Пу И. Он садится, и тогда садятся все. Подполковник, переводчик, врач и девушки озадаченно наблюдают эту сцену.

Галанин (режиссёру). Вы, Паша, молодец! Всё так и было. Пу И питался отдельно, и, пока он не сядет за стол, никто не смеет его опередить. Это ведь Хуаншань.

Алексей (режиссёру). А мне что делать?

Павел. Стой и смотри.

Пленники едят, и по всему заметно, что пища не вызывает у них особого восторга.

Подполковник (переводчику). А говорили, что любят нашу кухню. Ох, и приворщики!

Переводчик. Что вы хотите, Петр Васильевич, это же китайцы...

Галанин (Павлу). Китайцы едят палочками, а тут им приходится пользоваться ложками! И ещё — чай они пьют перед едой и чаще зелёный. А русские пьют чёрный чай после еды, да ещё с сахаром, им это, естественно, не нравится.

Пленники встают вслеп за императором.

Переводчик (подходит и о чём-то тихо говорит с Пу И, затем обращается к подполковнику). Император благодарит за тёплую встречу и прекрасный завтрак. Он очень доволен.

Пу И суёт переводчику конверт, кивком указывая на подполковника.

Переводчик. Товарищ подполковник. Это письмо.

Подходит и вручает ему конверт.

Подполковник. Кому письмо? Мне?

Переводчик. Нет, товарищ подполковник. Письмо товарищу Сталину!

Подполковник (отдаёт ему конверт). А что там? Ну-ка, читай!

Переводчик (осторожно извлекает письмо из конверта, пробегает глазами). Император убедительно просит товарища Сталина оставить его в СССР. Навсегда!

Некоторое время на сцене царит мёртвая тишина.

Галанин (шёпотом). Это правда. Своё первое письмо Сталину Пу И написал там, в Молоковке.

Подполковник (аккуратно берёт конверт и прячет его в нагрудный карман). Хорошо. Мы отправим это в Москву. (Переводчику). Теперь они пусть идут отдыхать. А императора с братом я приглашаю к себе в гости. На банкет. Передай это ему.

Переводчик подходит к Пу И, и тихо говорит с ним. Тот кивает и знаками позывает к себе Пу Цзе и Ли Госюна.

Переводчик. Товарищ подполковник, они готовы идти на банкет. Все трое.

Подполковник. Но я же приглашал двоих. Только императора и брата.

Переводчик. Товарищ подполковник, император никуда не ходит без своего слуги — так у них принято.

Подполковник. Ладно, пошли.
Все пятеро уходят за кулисы.

Галанин. Так оно и было. Жене подполковника, видимо, до жути захотелось увидеть живого императора.

Павел (*командует*). Девушки убирают посуду и столы, приносят патефон.

Врач. А мне что делать?

Павел. А ты им помогаешь.

На сцене закипает суета. Убирается посуда и столы, врач приносит патефон, открывает его, ставит пластинку.

Павел (*Галанину*). Григорий Иванович, что тогда танцевали?

Галанин. В основном вальсы. Но вряд ли ваши девушки умеют это делать.

Павел (*с пафосом*). Обижаете, любезнейший! В любом театральном вузе есть такой предмет — сцендвижение — и без вальсов там не обходится.

Галанин. Ну, тогда вам и карты в руки.

Павел (*громогласно*). Сейчас ставим вальс и зовём китайцев!

Одна из девушек. А какой вальс мы будем танцевать, Павел Сергеевич? Быстрый, медленный?

Павел. А давайте, Григорий Иванович, поставим старый добрый вальс «На сопках Маньчжурии»? Они ведь маньчжуры?

Галанин. Давайте! Это забавно. (*Врачу*). Только не забывайте, для правдоподобия, покрутить ручку патефона. А то в зале найдутся знатоки и всё заметят.

Врач крутит ручку.

Павел. Энергичней-энергичней! (*Поворачивается к радиорубке*). Приготовьте нам маньчжурский вальс! (*Девушкам*). Одна из вас бежит и зовёт китайцев! (*Оборачивается к кулисам*). Ребята, вы приходите, и начинается лёгкий флирт, понятно?..

Голос из-за кулис. Понятно...

Павел. Ну, всё. Зовите китайцев! (*К радиорубке*). Прошу музыку! (*Раздаются первые такты вальса*). Чуть погромче! Теперь в норме. (*Официантка убегает за кулисы. Приводит пленных китайцев, следом идёт журналист. Они смущённо кучкуются в сторонке*). Отлично! (*Девушкам*). А вы приглашайте их в круг, в центр, и начинайте танец! Поживее, пожалуйста.

Тоня. Они же, как будто, не знают языка.

Павел (*машет рукой*). Жестами, жестами, дорогая! Понастойчивей!

Юй Чжань. А мы умеем танцевать?

Павел (*Галанину*). Григорий Иванович, вальс китайцы танцевали?

Галанин. Вальс тогда танцевали во всём мире. И кто-то из них наверняка умел. Это ведь была тогдашняя «золотая молодёжь».

Павел (*актёрам*). Ребята, решайте сами — кто из вас хорошо это делает — пусть покажет. Поехали! Танцуем...

Начинается танец. У какой-то пары это выглядит очень хорошо, у другой — не слишком, у третьей — кое-как. Один из зятьёв — Вань Цзяси — остался без пары.

Галанин (*аплодирует*). Отлично! Всё очень правдоподобно. Так оно и было.

Музыка заканчивается.

Павел (*актёрам*). Передохните пока. (*Одной из девушек*). Ира, иди сюда.

Девушка подходит, режиссёр что-то шепчет ей на ухо. Она убегает.

Алексей. Паша, а что делать мне?

Павел. Ничего. Стой, молчи и наблюдай. Ты — государево око. Бди. (*Галанину*). Так ведь, Григорий Иванович?

Галанин. Безусловно. Без этого тогда не обходились. Иначе это был бы настоящий курорт...

Павел (*хлопает в ладоши*). Ну, всё. Танцуем дальше. Музыка!

Звучит знакомый вальс. Пары сходятся, только у ещё одного пленника — Юй Чжаня — нет девушки. Он спрашивает режиссёра:
«Паша, у меня не будет пары? Что мне делать?»

Павел. Ты пригласи врача.

Юй Чжань подходит к врачу, она кладёт ему руку на плечо, они кружатся в танце.

Все, кроме Вань Цзяси, вальсируют. Вбегает Ира с цветком в руке.

Приближается к танцующим и вставляет цветок в петлицу пиджака Жунь Ци.
Все участники замирают. Многозначительная тишина.

Павел (*актёрам и Галанину*). Мне кажется, тут всё понятно — русской девушке понравился китайский парень. Этим жестом она дала ему знать о своих чувствах. Так сказать — прозрачно намекнула.

Тоня (*с сомнением*). Это что — любовь с первого взгляда? Увидела молодого китаецца — и сразу втюрилась?

Павел. А почему нет? Такого разве не бывает?

Актёры недоумевают.

Г а л а н и н (*неожиданно вступает в защиту режиссёра*). Дорогие мои, вы забыли, что сверстники этих девушек были на фронте. Кто-то убит, кто-то пропал без вести, кто-то ещё воюет. Поверьте мне — так было. Я об этом знал. Уж мне-то поверьте.

Актёры молчат.

П а в е л. Ну, значит, так мы всё и оставим. Давайте дальше.

В а н ь Ц з я с и. А что дальше?

П а в е л. Вы все танцуете, вернее, танцуют все, кроме тебя. И тут приводят императора. (*Радиорубке*). Давайте музыку! Танцуете несколько тактов и тут приводят Пу И. (*В правую кулису*). Вы готовы?

Оттуда голос: «Готовы». Звучит вальс. Режиссёр хлопает в ладоши: «Начали!»

Пленники и девушки кружатся в вальсе. Увлечённо и старательно. Режиссёр:

«Пошёл император!» Из боковой кулисы слуга выводит вдребезги пьяных

Пу И с Пу Цзе. Они оба висят на его плечах и едва передвигают ноги. Танцующие останавливаются и потрясённо глядят на вошедших. Режиссёр аплодирует:

«Отлично, ребята! Так держать!» Галанин искренне смеётся.

П а в е л (*пьяной троице*). Вы проходите через всю сцену, и остальные китайцы медленно уходят за вами. (*Алексею*). Ты, Лёша, идёшь следом.

В р а ч. А мы? Я и девушки?

П а в е л. Вы на это реагируете, каждая — по-своему. Пошли!

Слуга Ли Госюн с трудом уводит своих пьяных господ. Остальные пленники, в траурном молчании, идут за ними. Девушки и врач сочувственно качают головами, перешёптываются. Они явно жалеют своих подопечных.

П а в е л (*хлопает в ладоши*). Всё! Репетиция закончена. (*Смотрит на переводчи-ка*). Ну, что, Григорий Иванович, что вы скажете? Есть какие-то накладки?

Все актёры высыпают на сцену.

Г а л а н и н. Ну, что сказать? Честно говоря, Павел, я ожидал худшего. (*Собирается с мыслями*). Как ни странно, но, не прибегая к гриму и костюмам, вам всё-таки удалось, как мне думается, достичь главного — всей тогдашней атмосферы и правды характеров. Так, по крайней мере, мне кажется. Замечаний, по большому счёту, у меня нет. (*Режиссёр довольнo улыбается*). Почти так оно и было. И то, что я знал и потом читал в их дневниках, вы передали довольно верно... В этой Молоковке было всё: и флирт, и пьянки... Подполковник не однажды напаивал бедного императора и его брата, как говорится — в усмерть. Заставлял их пить только «до дна». И любовь там тоже была — до жарких объятий и поцелуев дело доходило. Об остальном — не знаю. (*Актёры улыбаются*). Но потом начальство в тревоге заметило, что нравы стали уж чересчур свободными, и пленных тут же перевели в Хабаровск. Там я и познакомился с Высочайшим. Жаль, что я этого не увидел...

П а в е л. Это только первое действие. Вскоре — второе. Надеюсь, вы нам не откажете?

Г а л а н и н (*охотно*). Как можно? Безусловно, нет. Вы вернули мне прошлое.

П а в е л. Тогда все свободны! На сегодня всё. (*Галанину*). Григорий Иванович, я вас провожу. (*Журналисту*). Лёша, ты подвезёшь гостя?

А л е к с е й. Конечно-конечно. Я готов всегда.

Галанин поднимается и в сопровождении режиссёра и журналиста покидает сцену.

Актёры расходятся. Свет гаснет.

Действие II

На сцене режиссёр, Пу И, майор Денисов и переводчик-консультант Юрий.

П а в е л (*Юрию*). Сейчас, ребята, репетируем сцену вашего первого знакомства. (*Показывает*). Пу И сидит за столом, тыходишь и представляешься.

М а й о р Д е н и с о в. А я что делаю?

П а в е л. Ты говоришь переводчику, что надо познакомиться с императором. Его поселили в этой комнате.

Денисов кивает.

П у И. А Григорий Иванович будет?

П а в е л. Обещал. (*Смотрит в зал*). А кстати, вот и он.

Г а л а н и н (*идет через зал*). Прошу прощения, я не опоздал?

П а в е л. Нет-нет, мы ещё не начали. Здравствуйте, Григорий Иванович! Ваш стул ждёт вас, прошу! (*Галанин поднимается на сцену, здоровается с актёрами, садится*). Довожу до вашего сведения: мы как раз репетируем эпизод вашего первого знакомства с императором.

Г а л а н и н. Да что вы! Это был Хабаровск, лагерь 45.

П а в е л. А солдат-охранник тут нужен?

Г а л а н и н. На объекте 45? Зачем? Там был забор с колючей проволокой, вышки — и на них дозорные. Всё, как положено. А полвека назад забор убрали, теперь в этом здании городская поликлиника. *(Заинтригованно)*. Простите, а кто играет меня?

П а в е л *(показывает жестом на Юрия)*. Вот этот молодой человек. Прошу любить и жаловать! У нас его зовут Юрием. Вы не возражаете? *(Галанин с любопытством оглядывает исполнителя)*. Ну, что? Вы удовлетворены?

Г а л а н и н *(деликатно улыбается)*. Мне трудно судить... Возможно, со стороны виднее.

П а в е л *(шутливо грозит пальцем)*. Но вы ещё и дипломат! *(Усмехается)*. Ладно. Нас рассудит сцена. Можно начинать?

Г а л а н и н *(машет рукой)*. Ради бога, начинайте. Я весь внимание.

П а в е л. Ребята, начинаем!

Пу И проходит вглубь сцены и садится за стол, на столе две книги.

Майор и переводчик остаются у рамы.

М а й о р. Юра, в той комнате живёт император Пу И. Войди к нему, познакомься, ты будешь его переводчиком. Заодно узнай, нет ли у него просьб и жалоб.

Ю р и й. Слушаюсь, товарищ майор! *(Он проходит вглубь сцены. Пу И поднимает голову от книги)*. Позвольте представиться! Я — ваш переводчик, зовут меня — Юрий. Вы можете обратиться ко мне с любой просьбой и пожеланием.

Пу И. встаёт. Мне очень приятно познакомиться с вами! Вы прекрасно говорите на пекинском наречии. *(Широко улыбается)*. А мне очень бы хотелось выучить русский язык. *(Показывает на стол)*. Я уже читаю ваши книги, но на китайском языке, а хотелось бы на русском.

Ю р и й. Простите, а что вы читаете?

Пу И. Историю вашей партии большевиков...

Ю р и й. Краткий курс ВКП(б)?

Пу И. Да. И «Вопросы ленинизма» самого товарища Сталина. Скажите, пожалуйста, Юрий, партия советских коммунистов — большая партия?

Ю р и й. Очень большая. В ней — многие миллионы.

Пу И. Скажите, а есть в ней императоры?..

Ю р и й. Императоры? Что вы! Ни одного.

Пу И *(улыбается)*. Замечательно! Тогда я буду первым императором-коммунистом. Узнайте, пожалуйста, у вашего начальства, как мне подать заявление в коммунистическую партию. Я готов сделать это сегодня.

Ю р и й *(растерянно)*. Хорошо. Я это сделаю. Ещё есть просьбы?

Пу И. Нет. Я всем доволен. Отношение ко мне прекрасное. Жалоб у меня нет.

Ю р и й. Тогда я пойду?

Пу И. Как вам угодно. Рад был с вами познакомиться.

Ю р и й. Я тоже очень рад знакомству с вами.

Выходит и сталкивается с майором Денисовым.

М а й о р. Ну что, познакомился? Просьбы и жалобы у него есть?

Ю р и й. Жалоб нет, а просьба есть.

М а й о р. Просьба? Какая?

Ю р и й. Император хочет стать коммунистом.

М а й о р. Что? Коммунистом?.. *(Крутит пальцем у виска)*.

Г а л а н и н *(смеётся)*. Всё очень похоже. Хуаншан в самом деле хотел стать коммунистом. Он не однажды говорил об этом, причём на полном серьёзе.

П а в е л. А почему не стал?

Г а л а н и н. Кто бы это тогда позволил, чтобы в партии рабочих и крестьян был император! Это, как теперь говорят — нонсенс. Недавний владыка марионеточного государства Маньчжоу-Го, воевавшего против Советского Союза, — и вдруг член коммунистической партии?..

П а в е л. Тогда зачем он это делал?

Г а л а н и н. Видимо, хотел доказать свою лояльность. Он очень боялся, что его отправят в Китай.

П а в е л. К Мао Цзэдуну?

Г а л а н и н. Нет. В Китае тогда правил Чан Кайши, воевавший против японцев — хозяев Пу И. Он бы его точно расстрелял, как двух его министров.

П а в е л. Понятно. Будем смотреть дальше?

Г а л а н и н. Да-да, конечно, я весь внимание.

П а в е л *(хлопает в ладоши)*. Ребята, репетируем день рождения.

Г а л а н и н. День рождения? Чей?

П а в е л. Императора, разумеется.

На сцену выносят стулья, столы, тарелки, стаканы, графины.

Г а л а н и н. Ах, да, ведь в феврале 1946 года Пу И исполнилось сорок лет, по европейской, конечно, традиции.

П а в е л. Вот-вот. Это мы и будем отмечать. Как вы всё описали.

На сцену выходят Пу И, Пу Цзе, все его племянники и зятья, а также майор Денисов и переводчик Юрий. Императора усаживают во главе стола, справа — Пу Цзе, слева — майор Денисов и переводчик, а дальше — все остальные.

М а й о р (переводчику). Ну, давай, Юра! Поздравь его от лица...

Ю р и й. Советского командования?

М а й о р. Да ты что, в своём уме! От нашего. Моего и твоего. А там посмотрим.

Ю р и й (мнётся). А что ему сказать? Я, честно говоря, не знаю.

М а й о р. Ну, пожелай ему здоровья, долгих лет жизни. Скажи, что мы его искренне любим и уважаем. Давай, вперёд!

П а в е л (Галанину). Это так? Мы, случайно, не перегнули?

Г а л а н и н. В общем — всё правильно. Так оно и было.

Переводчик встаёт, майор наполняет стаканы.

Ю р и й. Дорогой Хуаншан! (Все китайцы с удивлением смотрят на него). Глубокоуважаемый Пу И! Мы с товарищем майором горячо поздравляем вас со славной датой — вашим сорокалетием! Желаем вам крепкого здоровья, неизбывной силы, бодрости духа и десять тысяч лет жизни!

Майор хлопает, и вслед за ним — все пленники.

Он придвигает почти полный стакан императору.

М а й о р (переводчику). Он доволен? Долгих лет ты ему, надеюсь, пожелал?

Ю р и й. Пожелал десять тысяч лет жизни...

М а й о р. Десять тысяч?!

Ю р и й. Не обращайтесь внимания, товарищ майор. Это — чисто китайская традиция. Для них десять тысяч, что для нас — сто.

П а в е л. Пошла повариха! Маруся, вперёд!

На сцену выходит повариха Маруся, неся на тарелке большой, пышный торт. Все встречают её аплодисментами. Император встаёт и благодарно склоняет голову. Маруся лихо водружает торт на стол, Пу И жестом приглашает её присоединиться.

Она стыдливо отнекивается.

М а й о р (Марусе). Садись-садись, не обижай именинника. Не каждый день за одним столом с императором гуляешь. Потом хвастать будешь. Детям и внукам своим расскажешь.

Повариха садится напротив императора Пу И.

П у И. Мои дорогие ближайшие родственники и русские друзья! Я очень благодарен вам за знаки внимания и почтение, которое вы мне оказываете. Я не хочу остаться в долгу и намерен достойно отблагодарить вас.

М а й о р (переводчику). Что он говорит?

Ю р и й. Он благодарит и хочет сделать нам подарки.

М а й о р. Отлично! Молодец!

Император достаёт из коробочки карманные часы и вручает их майору, потом протягивает переводчику авторучку, а повариху жестом подзывает к себе.

Она вскакивает и бежит навстречу. Пу И дарит ей женские наручные часы.

Маруся подпрыгивает от восторга, смеётся, хватая императора за уши, крепко целует и поднимает на руки. Все весело хохочут.

Г а л а н и н (Павлу). Тогда в СССР часы были в величайшем дефиците, как сейчас, к примеру, автомобиль «Бентли» или «Форд-мустанг»...

П а в е л. Я это знаю.

За столом начинается пирушка.

М а й о р (поднимает стакан). Кто не пьёт с нами до дна — тот не уважает советское правительство и лично товарища Сталина! Ура!

Юрий переводит. Пу И берёт стакан и выпивает залпом. Глядя на него, пьют зятья и племянники. Майор разливает по второй, даёт знак остальным. Все поднимают стаканы, чокаются с императором и майором. Пьют «до дна». Кричат «ура».

М а й о р (затягивает). Калинка-малинка, малинка моя! В саду ягода малинка...

Пленники, кто как может, стараются подтягивать. Через пару минут на сцене гремит уже вполне слаженный хор. Не поёт только император. Майор выскакивает в центр, лихо идёт вприсядку. Пленники хлопают в ладоши.

П а в е л. Ну, всё, ребята! Отдыхаем. (Майору). Молодец! Плясал, как солист ансамбля песни и пляски.

Актёры уходят за кулисы. На сцене убираются столы, стулья, посуда.

Один стол остаётся, на нём две книги, стопка бумаги.

П а в е л (Галанину). Есть замечания, Григорий Иванович?

Г а л а н и н. Да почти никаких огрехов. (Размышляет вслух). То, что он одарил толь-

ко русских, а своих обошёл — подмечено верно... И дело тут совсем не в скупости, Пу И не хотел показать нашим, что припрятал слишком много.

Павел. Там было и золото, и серебро, и жемчуг, и бриллианты?

Галанин. Там было огромное состояние. На многие миллионы.

Павел. В тех двух чемоданах?..

Галанин. Не только в чемоданах. Ещё многое он зашил в пальто, в пиджаки и бельё.

Павел. Разве его не обыскивали?

Галанин. Его — нет. Не обыскивали ни разу, даже тайком.

Павел. А почему?

Галанин. Я думаю, что у нашего правительства были на него какие-то особые планы. Только поэтому.

Павел. Хотели выставить его в роли главного свидетеля на международном трибунале? Так или нет?

Галанин. Ну конечно! Чем не главный козырь? И, надо признаться, он эти планы оправдал. Даже с лихвой.

Павел. Будем смотреть дальше?

Галанин. С большим удовольствием.

Режиссёр хлопает в ладоши. Из-за кулис выходит Пу Цзе, подходит к столу, садится, открывает одну из книг, читает, что-то записывает.

Галанин (режиссёру). Это же младший брат императора? А что он делает?

Павел. Готовится к занятиям по истории ВКП(б). Пишет конспект.

Галанин. Да-да. Это было. На протяжении всех пяти лет.

Пу Цзе скучающе смотрит по сторонам. Входят Юй Чжань, Юй Тан и Юй Янь.

Юй Чжань. Дорогой принц, тебе это не надоело? Всё читаешь и пишешь, а потом нас мучаешь рассказами о склоках большевиков и меньшевиков.

Пу Цзе (усмехается). Допустим, я честно признаюсь — мне тоже всё надоело, а что это изменит? *(Хлопает по книге)*. Когда я учился в Японии, мне приходилось читать и заучивать сочинения не меньшего объёма, да ещё на японском языке...

Юй Янь. Но карьеры ты там не сделал. Закончил военную академию, а дослужился только до майора. Думаю, ты достоин большего.

Пу Цзе. Сделать карьеру китайцу в Японии невозможно, и вы это отлично знаете. Или вы уже забыли, как японцы управляли нами? Кем был наш премьер-министр Такэбэ?

Юй Чжань. Генералом запаса. И японцем, конечно.

Пу Цзе. Ну, вот. Он генерал, а я всего лишь майор. Мой старший брат говорил, что он боится перечить японцам: зачем тыкать пальцем в глаза волка?

Входят Вань Цзяси, Жунь Ци и Ли Госюн, у которого в руках газета.

Вань Цзяси. А вы знаете, где наш Хуаншан? Наверно, думаете, что его увезли в Москву, к самому Сталину? Он в Японии! В Токио.

Пу Цзе (потрясённо). Русские выдали его японцам?!

Жунь Ци (берёт из рук Ли Госюна газету, разворачивает её). Наш император выступал на международном верховном трибунале. На все корки ругал японцев, а мы ничего об этом не знаем!

Пу Цзе (выхватывает газету, смотрит фотографию). Да, это он. Хуаншан. Мой старший брат *(газета идёт по рукам)*. Где ты взял газету?

Ли Госюн. Мне дал её майор Денисов.

Юй Янь. Хуаншан осмелился ругать японцев? В это трудно поверить...

Пу Цзе (ядовито). А ничего другого ему не остаётся. Не будет ругать своих бывших хозяев — русские отправят его в Китай, к Чан Кайши. *(Смотрит на Юй Чжаня)*. Ну-ка, прочти, что там написано.

Юй Чжань (берёт газету, читает и переводит). Бывший император Пу И, владыка марионеточного государства Маньчжоу-Го, на международном верховном трибунале даёт свидетельские показания, полностью изобличающие японских милитаристов, вероломно захвативших Северо-Восточный Китай и жестоко угнетавших трудолюбивый китайский народ...

Вань Цзяси (понури). И мы тоже к этому руки приложили...

Пу Цзе (запальчиво). Ты о чём?! К чему мы их приложили?

Вань Цзяси. К жестокому угнетению китайского народа.

Юй Чжань (усмехается). Надо же! На тебя, наверно, эти книги повлияли *(кивает на стол с трудами Сталина)*, которые Пу Цзе так старательно переписывает. Ты тоже стал марксистом? Тогда благодари его за это...

За кулисами раздаются шаги. На сцену выходят

Пу И с майором Денисовым и переводчиком Юрием.

Пу И (торжественно). Я, наконец, вернулся и рад приветствовать своих под-

данных. И готов рассказать вам о причине моего долгого отсутствия. Надеюсь, что вы меня поймёте и поддержите.

М а й о р (*переводчику*). Что он им говорит?

Ю р и й. Он здоровается с ними и хочет рассказать о своей поездке.

М а й о р. Ну, хорошо, пусть рассказывает. Скажи им, что для них готов праздничный обед. Полчаса им на сборы.

Ю р и й. Уважаемый Хуаншан! Товарищ майор сказал, что всех вас ждёт торжественный обед в честь вашего славного возвращения. Через полчаса все приходите в столовую. Мы будем рады вас видеть.

Майор и переводчик уходят.

П у И (*поднимает кверху глаза и молитвенно складывает ладони*). Хвала небу, что я, наконец, вернулся из Токио! Из гнусного логова наших злобных угнетателей. (*Смотрит на своих родственников*). Я выступал на процессе восемь раз и сказал суду всю правду. Ничего не утаил. Всё открыл. Все, кроме японцев, благодарили меня.

П у Ц з е (*неприятно*). Какую правду ты открыл? Неужели не скрыл, что всегда боялся тыкать пальцем в глаза волку? Молчаливо или охотно поддерживал любые планы японских хозяев, не сказал ни слова против...

П у И (*сердито*). Пу Цзе! Ты ведёшь себя непочтительно к старшему брату и своему императору. Дерзко нарушаешь заветы наших предков.

П у Ц з е (*усмехается*). Здесь ты никакой не император, а пленник, как все мы.

П у И (*примирительно*). Ну, хорошо. А разве мы не маньчжуры? Не достойные потомки наших великих предков?

Ю й Ч ж а н ь (*тихо*). Когда-то завоевавших Поднебесную...

П у И. Что ты сказал, Юй Чжань? Ну-ка, повтори!

Ю й Ч ж а н ь (*возвышает голос*). Наши предки три века назад захватили Китай.

П у И. И что? А в 1931 году японцы захватили Маньчжурию.

П у Ц з е (*упрямо*). Но я не помню, чтобы ты — мой старший брат — яростно выступал против этого. Может, я что-то забыл?

П у И. И ты, дорогой Пу Цзе, тоже не подавал голоса, а спокойно учился в токийской военной академии, ещё и удачно женившись на японской маркизе Хироко. Не у тебя ли провалы в памяти?

На сцене появляется переводчик Юрий.

Ю р и й. Уважаемый Хуаншан, неужели вы забыли, что вас ждёт праздничный обед, товарищ майор и повариха Маруся?

Братья, чинно возглавляя компанию своих родственников, следом за переводчиком уходят за кулисы.

П а в е л. Григорий Иванович, ваши замечания?

Г а л а н и н. За время долгого пребывания в лагере братья и вправду сильно пересорились. И не только они. Ведь круто изменились их роли...

П а в е л. Смотрим дальше?

Г а л а н и н. Сейчас будет торжественный обед? Я угадал?

П а в е л. Нет, дорогой Григорий Иванович, мы решили показать их будни, если пожелаеете.

Г а л а н и н. Да? Ну, что ж, давайте посмотрим, чем они занимались.

На сцене появляются Пу Цзе и Жунь Ци с шахматной доской, племянники Юй Чжань, Юй Тан, Юй Янь и зять Вань Цзяси с табуретами. Пу Цзе и Жунь Ци садятся за стол, сдвигают в сторону книги, раскрывают шахматную доску, расставляют фигуры.

Остальные размещаются в сторонке, усаживаются на табуреты.

Ю й Ч ж а н ь (*гостяет игральные карты*). Сейчас я научу вас одной игре, которую мне показали русские солдаты. Называется она — «Подкидной дурак»...

Ю й Я н ь. «Подкидной дурак»? И кого мы будем подкидывать?

В а н ь Ц з я с и. Того, кто останется в дураках.

Ю й Ч ж а н ь (*умело тасует карты*). Смотрите — я раздаю каждому по шесть карт. (*Раздаёт, кладёт одну вверх лицом и накрывает остальными*). Это козырь. Главная масть. (*Юй Тану*). Ходи первый. Бросай карту!

Ю й Т а н. Какую?

Ю й Ч ж а н ь. Какую не жалко. Самую малую и не козырную.

Юй Тан размышляет. И вдруг Юй Янь шепчет: «Смотрите-смотрите! Что это?» Все поворачивают головы к заднику на сцене. Даже Пу Цзе и Жунь Ци смотрят туда же. Задник чуть раздвигается, и оттуда появляется рука, сжатая в кулак. Она медленно поворачивается, затем разжимается и делает пасы. На минуту исчезает, потом вновь появляется, разжимается, и пасы следуют один за другим. Опять исчезает, но вскоре опять появляется, делает пасы. Пленники обеспокоенно переглядываются.

П у Ц з е (*тревожно*). Это рука Хуаншана! Я узнал её...

Ж у н ь Ц и (*испуганно*). А что он делает? Зачем?

Рука исчезает и вновь появляется. Пленники в полном недоумении и страхе.

Галанин тихо посмеивается. Павел искоса смотрит на него.

Наконец, рука исчезает и уже не появляется. Зато со стороны задника появляется Ли Госюн. Пленники окружают его.

Пу Цзе. Ли, скажи, что с императором? *(Младший брат крутит палец у виска).* Он повредился в уме? Или начитался советских книг?

Ли Госюн *(смеётся)*. Нет. Хуаншан упорно молился Будде, долго гадал на костях и монетах, а потом стал ловить мух! Всех, что летали по комнате...

Жунь Ци. Ловить мух? Зачем?

Юй Чжань *(с улыбкой)*. Наверно, это Будда ему повелел.

Ли Госюн. Нет. У него в комнате очень много мух. Он стал их ловить и выпускать в коридор.

Юй Тан. Разве нельзя их просто убить? Ты бы ему помог...

Ли Госюн. Хуаншан говорит, что истинному приверженцу Будды запрещено лишать жизни любую живую тварь... Надо быть милосердным. Он даже перестал давить клопов и тараканов и бить комаров. Теперь они нас заедят!

Пу Цзе. Он хочет стать коммунистом, а сам молится Будде! А все коммунисты — атеисты и молятся двум мужчинам с большими бородами...

Юй Чжань. Кому они молятся?

Пу Цзе. Марксу и Энгельсу.

Юрий *(входит)*. Прошу внимания! Товарищ майор приглашает всех на политинформацию. *(Пленники нехотя бредут за кулисы)*. Ли, а где Хуаншан?

Ли Госюн *(кивает на задник)*. Император у себя. *(Уходит)*.

Переводчик хочет направиться в указанном направлении, но император сам появляется ему навстречу.

Юрий. Я искал вас. Как вы себя чувствуете, Хуаншан?

Пу И. Мне немного нездоровится, но я не могу пропустить политзанятия.

Юрий. Ничего. Товарищ майор знает ваше усердие и всегда готов сделать для вас исключение. Не волнуйтесь, отдохайте.

Пу И. Я написал ещё одно письмо товарищу Сталину и отдал много ценных вещей для восстановления вашего народного хозяйства, разоренного войной. Как вы думаете, Юрий, это поможет мне остаться в СССР?

Юрий *(неопределённо)*. Наверное, поможет. *(Поднимает глаза)*. Но всё решается там, наверху...

Пу И *(с удивлением и тревогой)*. Где? На небе? Вы тоже так думаете?

Юрий. Нет. У товарища Сталина.

Пу И. Ах, ну да. Тогда я напишу ему ещё одно письмо. Большое. Убедительное.

Юрий. Пишите. Это ваше право.

Оба уходят за кулисы.

Галанин. Этих писем он написал, наверное, с десяток.

Павел. И не получил на них ответа?

Галанин. Ни единой строчки.

Павел. А до Сталина они доходили?

Галанин. Я думаю — да. Сталин был в курсе всего.

Павел. Тогда почему не отвечали бывшему императору?

Галанин и н. Пу И давно стал разменной монетой. Вначале его требовал к себе Чан Кайши, потом пришли к власти коммунисты, и Сталин решил выдать императора Мао Цзэдуну.

Павел. А сам Пу И об этом догадывался?

Галанин. Вероятно, да. Он ведь с детства привык к тому, что его всё время использовали. Владыкой Поднебесной его сделала знаменитая императрица Цыси. Бабка посадила на престол двухлетнего внука и на следующий день умерла. Потом его — уже семилетнего — свергла Синхайская революция во главе с Сунь Ятсеном. А затем пришли японцы и сотворили из него марионеточного императора Маньчжоу-Го. Пу И было двадцать два года, и он не устоял перед искушением вернуться на престол в качестве монарха. Он всегда считал себя природным властителем Китая.

Павел. Судьба незавидная. *(Повышает голос)*. Ребята, поехали!

Из-за кулис неспешно выходят Пу И и Юй Янь.

Пу И *(ласково)*. Дорогой Юй Янь, я хочу поговорить с тобой и честно рассказать тебе, что у меня на сердце. *(Указывает на стул)*. Садись, пожалуйста. *(Выносит из-за кулис большой чемодан, ставит его на стол)*. Здесь ещё остались кое-какие семейные ценности и священные амулеты. *(Смотрит на племянника)*. Юй Янь, ты всегда был предан мне и оставался верным даже в это бедственное время. Так ведь? *(Юй Янь кивает головой)*. Я решил навсегда остаться в Советском Союзе, и ты, Юй Янь, тоже можешь пожертвовать своим домом и остаться со мной в СССР. Разве ты не хочешь быть

примерным наследником наших предков? Ведь ты — их потомок. (*Юй Янь молчит*). Юй Янь, почему ты молчишь? Ты не считаешь меня, своего Хуаншана?

Юй Янь (*через силу*). Хорошо, Хуаншан, я последую за вами. Если вы останетесь в СССР — я тоже остаюсь. Я не предаю вас. Клянусь.

Пу И (*повеселев*). Хорошо-хорошо. (*Подходит ближе к племяннику, глядя ему в глаза*). Слушай, Юй Янь, теперь я твёрдо решил, что с этого дня ты станешь моим «принцем». Гордись этим.

Юй Янь. Я не понимаю вас, Хуаншан. Как это — принцем?

Пу И (*торжественно*). Как? Из моих родных племянников ты станешь моим сыном и будешь называть меня — император-отец. (*Юй Янь потрясённо глядит на дядю. Пу И отходит и указывает на чемодан со священными амулетами*). Сейчас мы с тобой совершим церемонию поклонения нашим предкам. Юй Янь, вставай, подойди ко мне... Ближе. (*Юй Янь встаёт и подходит к дяде. Оба поворачиваются лицами к чемодану*). Юй Янь, поклонись их священной памяти. (*Оба кланяются*).

Галанин (*Павлу*). Простите, Павел, но это всё происходило иначе. Совсем не так. Если позволите, я покажу.

Павел. Конечно-конечно. Будем только признательны. Покажите.

Галанин (*подходит к императору и племяннику*). Мои дорогие, они оба ложились ничком. И долго стояли на коленях, дабы показать своё нижайшее почтение к предкам. (*Пу И и Юй Чжань опускаются на колени*). Ниже! Ещё ниже. Вот, вот. Теперь кланяйтесь и трижды касайтесь лбами пола. И так по три раза каждый.

Дядя и племянник совершают церемонию, как должно.

Встают. Галанин садится на свой стул.

Пу И (*племяннику*). Теперь ты, мой дорогой принц, почти своего императора-отца.

Юй Янь (*Галанину*). Я должен делать то же самое?

Галанин. Разумеется. Всё, как было. Это же целое священнодействие.

Юй Янь опускается на колени, трижды кланяется дяде и девять раз касается лбом пола.

Пу И (*удовлетворённо*). Ну вот! Теперь я спокоен, а ты, Юй Янь, должен быть ещё более предан и почитателен ко мне. Отныне и навеки я — твой император-отец, а ты — мой единственный сын. Помни об этом. Мы оба останемся в Советском Союзе, но сохраним память о наших корнях. Так угодно небу...

Юй Янь (*встаёт*). Император-отец, я могу рассказать это своим братьям?

Пу И (*с опаской*). Ни в коем случае! Они станут тебе смертельно завидовать, особенно Пу Цзе. Никому ни слова! Во имя Будды!

Юй Янь (*покорно*). Хорошо, император-отец! Я буду молчать.

Пу И (*умиротворённо*). Теперь иди. Мне нужно побыть в одиночестве. Вернее, с душами наших славных предков. (*Кивает на чемодан*).

Юй Янь уходит. Пу И медленно подходит к чемодану, открывает его, достаёт небольшой стеклянный шарик, крутит его в пальцах, едва слышно шепчет...

Павел (*Галанину*). У императора ведь не было детей?

Галанин. Нет, не было. Хотя была законная жена-императрица и четыре наложницы. Но жена с ранней юности курила опиум и вскоре умерла.

Павел. И ни от одной из женщин не было ребёнка?

Галанин. Нет. Можно сказать, Хуаншану и тут не повезло.

Павел. Смотрим дальше? (*Громко*). Идёт переводчик!..

Юрий (*входит*). Я вас не потревожил, Хуаншан?

Пу И (*прячет шар за спину*). Нет-нет, уважаемый Юрий. Я рад вашему приходу. Надеюсь, вы принесли мне хорошие известия?

Юрий. Что вы имеете в виду, уважаемый Хуаншан?

Пу И. Я имею в виду ответ на мою просьбу остаться в СССР. Я знаю, что мой младший брат Пу Цзе просит отправить его в Японию. У него там жена и дочери. А со мной хочет остаться мой племянник Юй Янь. Он очень привязан ко мне и сам просил меня об этом.

Юрий. А почему вы не хотите вернуться в Китай?

Пу И (*встревожено*). Вернуться в Китай? Но это невозможно! Чан Кайши расстрелял двух моих министров, имевших неосторожность остаться на родине. А меня — стоит только перейти границу — тут же схватят и убьют. Я в этом убеждён.

Юрий (*после паузы*). В Китае закончилась гражданская война. Победила народно-освободительная армия. Чан Кайши бежал на остров Тайвань...

Пу И (*вглядывается в лицо переводчика*). Значит, теперь у власти коммунист Мао Цзэдун?

Юрий. Да, народ зовёт его — председатель Мао. Он стал настоящим героем. (*Пу И подавлено молчит*). Вас что-то пугает, Хуаншан? Целых пять лет вы изучали классиков марксизма-ленинизма и хотели вступить в ряды коммунистической партии...

Пу И. Простите, Юрий, разве меня приняли туда? А я просил об этом. Даже умолял...

Юрий. В партию, уважаемый Хуаншан, принимают не сразу. Нужно пройти испытательный срок. Таковы общие правила.

Пу И. Я его ещё не прошёл? Этот испытательный срок?

Юрий (*уклончиво*). Видимо, нет. Вы же — император. Это многое меняет.

В зале появляется журналист Алексей. Проходит и садится на свободное место.

На сцену выходит майор Денисов и остальные пленные.

Майор (*переводчику*). Юра, ты ему всё сказал? Как он это принял?

Юрий. Нет, товарищ майор. Я ещё не успел...

Майор. Тогда объяви это всем сразу.

Пленники молчаливо застыли на сцене.

Все догадываются, что их собрали по весьма важному поводу.

Юрий. Дорогие граждане китайцы! С завтрашнего дня вы все отправляетесь на родину. Домой. Советское правительство решило удовлетворить просьбу законных властей Китайской народной республики — и возвратить всех вас туда, где вы родились и жили. Счастливого вам пути!

Майор. Скажи, что вечером состоится прощальный банкет.

Юрий. А вечером в нашей столовой для вас будут накрыты праздничные столы, и все мы, наконец, отпразднуем ваше возвращение на родину...

Майор. Скажи им, что можно разойтись.

Юрий. Все свободны. Занимайтесь чем хотите...

Пленники уходят вслед за майором Денисовым. Остаются Пу И и переводчик.

Несколько минут оба молчат. И вдруг император протягивает стеклянный шарик.

Пу И. Держите, Юрий. Это вам на память от меня. От всей души!

Юрий (*принимает шарик*). А что это, Хуаншан? Какой-то талисман?

Пу И (*загадочно*). Нет, уважаемый Юрий. Не талисман. Это прах самого Будды...

Юрий (*рассматривает шар*). Это стекло — прах? Не вижу...

Пу И (*хитро улыбается*). А вы посмотрите на просвет. Повыше. Видите эту крохотную частичку? Ну, приглядитесь...

Юрий (*поднимает шар*). Вижу, вижу! Но там какая-то молекула, не больше...

Пу И (*снисходительно*). И вы думаете, что от человека остаётся что-нибудь большее? (*Улыбается*). Даже от великого Будды осталась жалкая пылинка... Но она всё-таки осталась! А что останется от нас?

Оба пристально смотрят друг на друга и неожиданно обнимаются.

Затем крепко пожимают руки и оставляют сцену.

Павел (*Галанину*). Что скажете?

Галанин (*прочувствованно*). Не знаю, что вам сказать... Честно говоря, я растроган... Дайте с мыслями собраться, как-никак полвека минуло...

Павел. Всё так и было? Ну, хотя бы приблизительно?

Галанин. Почти... Потом мы сели в поезд, и я проводил его до самой китайской границы. А в поезде мы пили водку, пели «Калинку». Хуаншан даже смеялся, хотя на душе у него скребли кошки, я это видел. И у меня, признаться, скребли тоже... По приезде в Китай их всех заключили в тюрьму, Пу И даже поместили в камеру с железной решёткой. Только через девять лет он вышел на волю. Устроился садовником в пекинский ботанический сад... Написал книгу о своей невесёлой жизни.

Павел. А драгоценности? Он оставил их в Советском Союзе?

Галанин. Нет. Большую часть Пу И сумел вывезти в Китай и затем отдал всё в дар своему правительству. Но потом началась культурная революция и на бывшего императора стали яростно нападать хунвейбины...

Павел. И хунвейбины его, конечно, доконали?

Галанин. Нет. Императора доконал рак. Он умер в шестьдесят два года и в завещании искренне просил партию простить его...

Павел. А с Мао Цзэдуном он встречался?

Галанин. Через двенадцать лет после выхода из тюрьмы Мао принял его в своём доме...

Павел. А в партию императора так и не взяли?

Галанин. Нет.

Занавес

P.S. Пьеса посвящена пяти годам жизни императора Пу И, которые он провел в Советском Союзе после своего пленения в 1945 году. Работая над ней, автор пользовался дневниками самого Хуаншана, его младшего брата Пу Цзе, дневниками племянников, зятьев и слуги, а также записками переводчика Г. Пермякова и китайского писателя Ван Цинсяна.